

Краткій обзоръ главнѣйшихъ явленій словѣнской (хорутанской)
литературы вмѣстѣ съ введеніемъ объ отношеніи словѣнскаго
языка къ старо-славянскому и другимъ славянскимъ.

Б. М. Ляпунова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я рѣшаюсь напечатать свою пробную лекцію, читанную 5 марта 1892 г. въ Харьковскомъ Университетѣ, не потому, чтобы въ ней были какіе нибудь новые для науки результаты. Напротивъ, я предупреждаю, что это простая компиляція, составленная изъ кусочковъ, вырванныхъ изъ разныхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ очерковъ и монографій на русскомъ, нѣмецкомъ, чешскомъ и словѣнскомъ языкахъ. Самостоятельно исторіей литературы я никогда не занимался, и къ составленію настоящаго обзора меня вызвалъ тотъ случай, что по университетскимъ правиламъ одна изъ пробныхъ лекцій для начинающихъ приватъ-доцентовъ по славянской или русской филологіи должна быть посвящена исторіи литературы. Самый выборъ темы, взятой слишкомъ широко, объясняется частію именно тѣмъ, что я опасался не справиться съ темой болѣе спеціальной и узкой, частію тѣмъ, что главная тема дозволяетъ или даетъ поводъ коснуться нѣкоторыхъ весьма важныхъ вопросовъ славянской древности. Конечно, вслѣдствіе широты темы и недостатка времени, опредѣленнаго для лекціи (45—50 минутъ), мой обзоръ долженъ былъ выйти слишкомъ поверхностнымъ и верхогляднымъ. Тѣмъ не менѣе въ виду того, что на русскомъ языкѣ по этой отрасли славянскихъ литературъ вообще писано мало, я счелъ небезполезнымъ пустить въ свѣтъ этотъ обзоръ, конечно, дополнивъ его и мѣстами измѣнивъ совсѣмъ, такъ какъ при первоначальномъ составленіи многое мнѣ было неизвѣстно, многимъ я не успѣлъ воспользоваться, что удалось узнать потомъ; при менѣе торопливой работѣ я

могъ полнѣе коснуться тѣхъ вопросовъ, которые затронуты мною въ введеніи, и кромѣ того мнѣ недавно удалось познакомиться съ кое-какими специальными трудами по исторіи словѣнскаго языка и литературы. Но и теперь, приступая къ печатанію своей работы, я отнюдь не претендую на полноту и долженъ признаться, что многое еще мнѣ остается или совсѣмъ неизвѣстнымъ или извѣстнымъ только по имени. Мнѣ не удалось, напримѣръ, воспользоваться даже классическимъ трудомъ *Шафарика* „Geschichte der südslawischen Literatur. I. Slowenisches und glagolitischs Schriftthum. Prag 1864“. У меня не было въ рукахъ и трудовъ *Ивана Мамуна* „Kratak pregled slovenske literature. Zagreb 1863“ и „Književna zgodovina slovenskega Štajerja“ („исторія литературы словѣнской *Штирии*“). V Gradcu 1883“. Я не имѣлъ возможности также воспользоваться многими появившимися и появляющимися въ разныхъ словѣнскихъ журналахъ („Jezičnik“, „Kres“, letopis „Matice slovenske“, „Ljubljanski zvon“) и отдѣльно прекрасными монографіями словѣнскихъ ученыхъ: Трстенияка, Крека (особенно его „Die slovenische Literatur“ въ „Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild“ 1891), Марна, Паека, Фекони, Раича, Клейнмайра („Zgodovina slovenskega slovstva“ 1881 и др.), Левстика, Левца и др.

Главнѣйшими пособиями мнѣ служили первоначально только слѣдующія сочиненія:

„Исторія славянскихъ литературъ“ *А. Н. Пыпина*, С.-Пб. 1879, гл. 2, отдѣлъ II.

„Очеркъ исторіи словесности Словѣнцевъ“ *Клуна* въ „Русской Бесѣдѣ“ 1859, I—III.

Отдѣлъ о Словѣнцахъ *Ив. Мамуна* въ статьѣ „Jihó slované“ 1864 (изъ чешскаго Научн. Словн.).

„Slovenska slovnica“ *Ант. Янежича* 1854 (при ней обзоръ исторіи словесности).

„Grammatik der slawischen Sprache in Krain, Kärnten und Steiermark. Laibach 1808“ (приложенъ обзоръ литературы), *Бартоломея Копитара* и его же:

„Glagolita Clozianus“ (prolegomena) 1836 (Vindobonae).

„Slavin. Beiträge zur Kenntniss der slawischen Literatur, Sprachkunde und Alterthümer, nach allen Mundarten von *J. Dobrowsky*. Prag 1808“.

„Славянскія древности“ *П. И. Шафарика* (въ русск. переводѣ Бодянскаго, Москва 1847).

„Slavische Bibliothek oder Beiträge zur slavischen Philologie und Geschichte herausgegeben v. *Fr. Miklosich*“. I—II, Wien 1851—1858. Его же:

„Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen“ (Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosoph. - histor. Classe, XXIV B. Wien 1876, 1—9).

„Altslovenische Formenlehre in Paradigmen“, Wien 1874 („Einleitung“).

„Филологическія наблюденія А. Х. Востокова“ (съ замѣчаніями И. И. Срезневскаго).

„Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстн. и неизвѣстныхъ памятникахъ“, С.-Пб. 1865, XXVI, И. И. Срезневскаго.

Критико-библиографическая статья В. Облака „Slovenica“ въ XII томѣ „Archiv für slavische Philologie“. Я не упоминаю еще о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, которыя цитирую въ своей статьѣ.

Въ послѣднее время, благодаря любезности автора, мнѣ удалось приобрѣсти еще нѣсколько прекрасныхъ монографій даровитаго словѣнскаго молодого ученаго В. Облака, посвященныхъ разработкѣ древнѣйшихъ памятниковъ словѣнскаго языка и письменности, которыми я и пользуюсь, чтобы пополнить свой обзоръ (оттиски изъ лѣтописи „Матицы словѣнской“: „Trije slovenski rokopisi iz prve polovice XVII stol.“ 1887, „Starejši slovenski teksti“ 1889, „Doneski k historični slovenski dialektologiji“ I—II 1890—1891, изъ XIV т. „Archiv für slav. Philologie“: „Das älteste datirte slovenische Sprachdenkmal“). Оказала мнѣ не малую помощь и „Slavistische Bibliographie“ Пастернака (Dr. Fr. Pastrnek) 1892 (дополн. томъ къ „Archiv f. slav. Philologie“).

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить свою благодарность слѣдующимъ лицамъ: профессору Д. Н. Овсяннику-Куликовскому, редактору Записокъ Харьковскаго университета, согласившемуся помѣстить въ нихъ настоящій очеркъ, проф. М. С. Дринову, снабжавшему меня совѣтами и книгами, проф. Н. О. Сумцову, давшему совѣтъ напечатать этотъ очеркъ, а также проф. И. В. Ягичу и молодымъ словѣнскимъ ученымъ: В. Облаку и М. М. Мурку, косвенно содѣйствовавшимъ моей работѣ присылкой своихъ трудовъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Для пробной лекціи я остановился на литературѣ Словѣнцевъ. Могутъ возразить, почему я выбралъ одну изъ второстепенныхъ словѣнскихъ литературъ, почему не остановился я на польской, чешской или сербо-хорватской, представляющихъ гораздо больше произведеній по всѣмъ родамъ творчества и науки.

На это отвѣчу, во-первыхъ, что всякая и самая мѣлкая ¹⁾ народность, а слѣдовательно и ея языкъ и письменность, какъ главнѣйшія ея проявленія имѣютъ весьма важное значеніе какъ съ чисто научной точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія обще-человѣческаго развитія. Въ научномъ отношеніи для насъ часто могутъ представиться именно въ этихъ мѣлчайшихъ ¹⁾ народностяхъ ключи къ разъясненію того, что непонятно въ языкахъ главнѣйшихъ. Обыкновенно (въ глуши горъ и лѣсовъ мы находимъ всего больше старины и въ языкѣ, и въ обычаяхъ, и въ преданіяхъ. Правда, относительно Словѣнцевъ это не совсѣмъ справедливо, ибо это одна изъ тѣхъ словянскихъ народностей, которые наиболѣе потерпѣли отъ чужого вліянія. Но то-то и замѣчательно, что, не смотря на этотъ тяжелый культурный гнетъ болѣе сильныхъ народовъ, Словѣнцы сохранили немало старины, особенно въ языкѣ; только старина эта цѣлые вѣка была покрыта толстымъ чуждымъ слоємъ, изъ подъ котораго мало-по-малу съ трудомъ стали пробиваться народные соки, которые первое время были сильно загрязнены, а потомъ становились все чище и чище, по мѣрѣ того, какъ словѣнская народность получала большія права въ литературѣ и жизни. Да и сами отступленія отъ старины, діалектическія подновленія, развивались ли они чисто естественнымъ путемъ или подъ чужимъ вліяніемъ (кстати замѣчу, что совершенно изолированной отъ чужого вліянія народности не существуетъ на свѣтѣ), весьма важны и любопытны въ научномъ отношеніи, какъ проявленія разнообразія человѣческихъ и народныхъ способностей.

Становясь на практическую точку зрѣнія обще-человѣческаго развитія, мы должны признать, что развитіе всякой мѣлкой ¹⁾ народно-

¹⁾ Старо-слов. *мѣлкъ* (Miklos. Lexic. palaeoslov.) польск. *miatko* и литов. *mailis* „kleinigkeit“ (Куршатъ) несомнѣнно указываютъ на этимологическое *н* въ этомъ словѣ, которое и печаталось еще въ нашихъ книгахъ даже начала XIX стол., а лѣчебники XVII в. (рукоп. Москов. Синод. библіот.) еще послѣдовательно пишутъ *н*, на которое указываетъ и великорусское произношеніе (съ *е*, а не *ѣ*), и цѣтъ надобности отступать отъ этимологіи въ этомъ словѣ, если мы вообще удерживаемъ букву *н*. Покойный А. А. Потебня въ своихъ трудахъ 70—80 годовъ печаталъ въ этомъ корнѣ (въ словахъ этого корня) *н*: *мѣлкая рыба*. Изъ запис. по рус. грам. ² I, 90, *мѣлчайшей пыли* „Слово о полку Игоревѣ“ 46, *мѣлочность* ib. 146, когда позамерзаютъ *мѣли* на озерахъ ib. 152, Рѣнь... нанесенный водою *тѣсок мѣль* „Объясн. малорус. и сродн. пѣсень“ I, 12. (относит. этимологіи *мѣль* можно сомнѣваться; м. б. оно въ связи съ *мѣль* „creta“ литов. *molis* „Lehm“, но *н* и здѣсь несомнѣнно: лит. *molis* представляло бы при такомъ сближеніи иную степень вокализаціи, чѣмъ наши *мѣль* и *мѣль*, но тогда, разумѣется, пришлось бы отдѣлить *мѣль* отъ *мѣлкъ*).

сти обогащаетъ культуру обще-человѣческую. Напрасно иные думаютъ, что для развитія цивилизаціи необходима извѣстная централизація, приведеніе къ одному знаменателю всѣхъ національныхъ и мѣстныхъ разнообразій, напрасно предлагаютъ намъ обще-славянскій языкъ, какъ средство общеславянскаго развитія. Дѣлающіе это забываютъ, что развитіе цѣлаго зависитъ отъ развитія, а не подавленія частей, ибо каждая отдѣльная часть можетъ внести въ общую сокровищницу что нибудь свое, вытекающее изъ ея особенныхъ свойствъ, отличныхъ отъ свойствъ другихъ частей, слѣдовательно обогатитъ общее достояніе цѣлаго; истинное же развитіе возможно только на родномъ языкѣ: теряя его, народность теритъ и способность обогащать общечеловѣческую культуру не только количественно (это возможно и при существованіи одного общаго языка во всемъ образованномъ мірѣ), но и качественно. Такимъ образомъ, для общеславянскаго, какъ и для общечеловѣческаго движенія впередъ желательно не только сохраненіе, а и дальнѣйшее распространеніе отдѣльныхъ нарѣчій и литературъ.

Во-вторыхъ, изученіе словѣнской литературы нелишне въ виду блестящаго успѣха ея въ два послѣднихъ столѣтія. Хотя здѣсь мы не находимъ такъ рано, какъ въ литературахъ, польской, чешской и сербской, уже въ XV—XVI—XVII вѣкахъ, блестящихъ представителей въ художественной, педагогической, богословской, исторической и философской литературѣ на родномъ языкѣ: здѣсь не было въ эти вѣка равныхъ Маруличу, Менчетичу, Држичу, Гундуличу, Пальмотичу у Сербовъ, Николаю Рею и Яну Кохановскому у Поляковъ, не было такихъ прозаиковъ богослововъ, философовъ и педагоговъ, какъ Т. Штитный уже въ XIV в., Я. Гусъ и Хельчицкій въ XV, Аммосъ Коменскій въ XVII в. у Чеховъ; нѣтъ здѣсь и такой богатой оригинальной эпической народной поэзіи, какъ эпосы сербскій, болгарскій и русскій;—тѣмъ не менѣе, однако, Словѣнцы могутъ гордиться тремя весьма даровитыми и нѣсколькими хорошими поэтами, появившимися въ новое время, въ XVIII и XIX вѣкахъ, могутъ указывать на значеніе, какое имѣла литературная дѣятельность ихъ представителей въ эпоху реформаціи въ печатаніи словянскихъ книгъ, а главное и всего болѣе они съ гордостью могутъ указывать на то, что изъ ихъ среды вышли такіе гиганты словянской филологіи, правда, писавшіе по-нѣмецки и по-латыни, какъ Б. Копитаръ и Фр. Миклошичъ, что на восточномъ рубежѣ ихъ области, въ такъ называемой „кайкавщинѣ“, родился, хотя по языку и образованію Сербо-Хорватъ, замѣчательнѣйшій теперь славистъ, профессоръ Вѣнскаго Университета Ягичъ, и что въ послѣднія десятилѣтія на ихъ языкѣ развилась довольно обширная литература по народной исто-

ри, народному творчеству, діалектологіи и исторической грамматикѣ, главнымъ представителемъ которой теперь молодой выдающийся ученый, дѣлающій честь всей словянской наукѣ, Облакъ.

Въ третьихъ, наконецъ, для занимающихся словянскою филологіей изученіе словѣнскаго нарѣчія, а слѣдовательно и литературы важно потому, что нѣкоторые слависты предполагали и предполагають ближайшую связь и даже тождество этого нарѣчія съ церковно-славянскимъ—тѣмъ, на которое впервые были переведены священные книги съ греческаго, и для котораго была составлена св. Кирилломъ и Меѳодіемъ словянская азбука. Вѣрно или невѣрно это мнѣніе, во всякомъ случаѣ слависты должны съ нимъ считаться тѣмъ болѣе, что высказываемо оно было весьма компетентными учеными.

1. Словянская народность, которой мы хотимъ заняться, у древнихъ писателей начала нашей эры называлась или *Vinidi*, *Venedi*, или *Sclavi*, какъ уже въ 600 г. въ посланіи папы Григорія; въ IX в. въ грамотахъ и проч. *Sclavonia*, *Slavonia*, *de genere Carantaniam Sclavinorum* 824—836, *in parte Sclavinorum* 834, *territorium in Sclavinia* 837 и проч., *lingua Sclavanisca* 970 (Шафарикъ, Славянскія древности, т. II, кн. 2, стр. 83—84, Miklos. Vergleich. Gram. I. 60—61). Русскіе со временъ Нестора и Чехи съ Далимила называли ихъ Хорутанами (Шафар. ib. 89: *Korutané*, *Korutansky*), что равняется латинскому *Carantani*, извѣстному уже въ латинскихъ памятникахъ VIII и IX в. (*Carantanum* для собственной Хорутаніи, Штирії и восточной части Тироля, въ отличіе отъ Карніи, Карніоліи—западной части Крайны, Шафар. ib. 88, *dux Sclavorum seu Carantanorum* 993, Шаф. 84). Название Крайна, вѣроятно, не имѣетъ ничего общаго съ *край* и несловянскаго происхожденія; оно встрѣчается въ первый разъ въ грам. Отона II въ 974 и 978 г. (*Chrainmarcha*, *Chreine*, Шаф. ib. 93) ¹⁾. Старые словѣнскіе писатели XVI и слѣдующихъ вѣковъ болѣею частью называли свой языкъ и литературу или „*Carniolana*“ (Бохоричъ) или „*Illyrica*“ („*Illyrica*“) (I. Мегизеръ, прибавляя: „*quae vulgo sclavonica appellatur*“) или „*krainski*“; послѣднее и первое тождественны между собою и собственно принадлежать только части словѣнскаго языка, но, такъ какъ первые писатели возрожденія были изъ Крайны (= *Carnia*), то они и называли свой языкъ именемъ своей родины. Но и имена *Sloveni*, *Slovinci*, *Slovenski* встрѣчаются уже у первыхъ писателей воз-

¹⁾ Какъ Крайна, такъ и Хорутанія (*Carantania*) — названія частныя, принадлежащія собственно только части всей области словѣнской. Русское у, чешск. и въ послѣднемъ предполагають юсъ большой изъ *an=on*.

рождения XVI в. и ихъ преемниковъ въ послѣдующіе вѣка: у Трубера въ „Abecedarium“ и „Katechismus“ 1550: *Sloueni, vsem Slovenzom gnado, myr, mylhost, Katex.* 1555: в *Slouenskim jesiku, Slouenska besseda*, въ „Matthaeus“ 1555: *Slouenski jesig, lubi Slouenci*; тоже у Далматина, Крелля и другихъ (Шафар. Слав. Древ. II, кн. 1, § 25, стр. 50—51).

Теперь сами себя Хорутане называютъ въ общей массѣ безъ различія мѣстностей *Slovenci*, а свой языкъ *slovénski*, т. е. такъ, какъ называли древніе книжники языкъ церковный и литературный тѣхъ Словянъ, которые пользовались словянской (кирилловской или глаголической) азбукой. Пиша эти слова кириллицей, слѣдуетъ ставить послѣ *о* букву *ъ*, какъ искони и писали словянскіе грамотѣи ¹⁾; нынѣ же многіе, отступая отъ послѣдовательнаго проведенія этимологическаго правописанія, пишутъ *Словенцы* черезъ *е*. Названіе *Словинцы* съ *и*, тоже довольно употребительное, ведетъ свое начало преимущественно отъ западныхъ Сербовъ и Хорватовъ — Далматинцевъ (относительно языка древнихъ Дубровчанъ и теперь еще идетъ споръ, былъ ли онъ чакавскимъ или штокавскимъ нарѣчіемъ, сравн. статьи М. Решетаря „Die čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen“ въ XIII томѣ „Archiv für slavische Philologie“ и замѣтку проф. И. В. Ягича по поводу ихъ

¹⁾ Миклошичъ (V. Gr. I, 60—61), относя это слово вмѣстѣ со многими другими прилагательными и существительными (*дрѣвнѣ, власнѣ, пѣтнѣ* Зогр., *младнѣ* Клоч. при *младенѣ, младнѣ* Зогр. Мар., см. слов. при издан. Ягича) къ словамъ съ суф. *нѣ*, замѣчаетъ: „Das dunkle *словѣннѣ* nsl. *slovenec*, lautet in lat. urkunden *selauanii* 827, vrgl. *selavinia* 770. Dem *словѣннѣ* entspricht mit *aslov.* oder *deutschem* suffix *selauanisc-*: *lingua selauanisca* 970 *colonias selauaniscas* c. 1000“. *Словнѣнѣ, словнѣнѣ* суть производныя отъ *словѣн-нѣ, въ которомъ *нѣ* такое же, какъ и въ ст. слов. *румнѣ* и другихъ, приводимыхъ Миклошичемъ, и въ коренномъ слогѣ въ глаг. помѣнати; здѣсь *нѣ* изъ *ен* передъ вторымъ *нѣ* слѣдующ. суффикса. (Ср. проф. Брандта „Грам. замѣтки“, вып. I, 1882, стр. 34 и „Объ этимолог. слов. Миклошича“, стр. 25). Что утраты перваго *нѣ* могло и не происходить, доказываютъ русскія формы *словяннѣ, словянскій*, и т. п., *румяннѣ, камн(н)ѣ*, *помянутѣ*, въ которыхъ *я* изъ *нѣ*, а послѣднее изъ *ен* передъ вторымъ *нѣ*. Ст. слов. *камнѣ* др. рус. *камѣнѣ* особенно удачный примѣръ для объясненія этихъ образований, такъ какъ сущ. *камѣ* именно имѣло въ косвенныхъ падежахъ основу *каменѣ*. Конечно, нѣкоторые слова могли явиться съ суф. *нѣ* рус. *я* уже по аналогіи, не предполагая непременно *ен+нѣ*. Съ другой стороны форма *младенѣ* и т. п. указываетъ на то, что *нѣ* могло присоединяться и прямо къ основѣ на *ен* или—*нѣ*. На *нѣ* въ *словнѣнѣ* указываетъ и написаніе *Slouenci* съ *ei* въ Труберовомъ „Katechismus s dveima islagama“ 1575 (Облакъ „Doneski k histor. slovenski dialektologiji“ 1891 ст. 86). Наше правописаніе *Словенецѣ* еще можно бы было оправдать только тѣмъ, что это слово у насъ отчасти заимствованное, иностранное (русское было бы съ *я*). Чешск. *Slované* также указываетъ на юсъ малый. Вмѣсто ст. слов. юса больш. употребляю по нуждѣ польск. *ą*.

тамъ-же): старые Дубровницкіе писатели называли свой сербо-хорватскій языкъ „*slovinski*“, измѣняя *н* въ *и* по западно-сербскому или по хорватско-чакавскому говору (Шафарикъ, Слав. Древ. II, кн. 1, § 25, стр. 49—50) ¹⁾; но его распространенію въ нашей научной терминологіи на Хорутанъ могло содѣйствовать произношеніе одного изъ юго-западныхъ (фріульскихъ или венеціанскихъ) словѣнскихъ говоровъ, близкаго къ Резьянскому, представители котораго называютъ себя „*Slovini*“, замѣняя по свойству этой группы говоровъ долгое ударенное *н* черезъ *и* (Срезневск. „Фріульск. славяне“ 1881, 41, Miklos V. Gr. I, 310—312, Бодуэн-де-Куртенэ „Опытъ фонетики резьянск. говоровъ“ 1875, ст. 51). Что касается вообще этого имени, то оно намъ извѣстно у разныхъ словянскихъ народностей въ разные времена; мы знаемъ Словѣнъ новгородскихъ у Нестора, Словинцевъ ²⁾ у Кашубъ, отрасли ляхской вѣтви, Словѣнцевъ или Словаковъ („*Slovak*“, но „*jazyk slovenský*“) чешской вѣтви; послѣднему обстоятельству Миклошичъ въ „*Altslov. Formenlehre in Paradigmen*“ IV придаетъ значеніе для подтвержденія своей теоріи о распространеніи своихъ Словѣнцевъ („*der slovenische Volksstamm*“) по обѣимъ берегамъ Дуная. Кромѣ того у Византійцевъ VII—VIII в. Славиней называлась область, заселенная Словянами въ Македоніи (Ш. Сл. Др. § 30, Конитаръ *Glag. Cloz. XXIX*). Но этой распространенности имени

¹⁾ Объ имени „*slovinski jezik*“ у Дубровчанъ см. у Ягича въ *Arch. f. sl. Phil.* XIII s. 397.

²⁾ Не умѣю объяснить себѣ въ этомъ словѣ у Кашубъ *и* (Fl. Senôva пишетъ *и* черезъ *j*: *Skôrb kaszëbskoslovjnskję mōvé*), такъ какъ вообще *н* тамъ замѣняется по-польски черезъ *je, ja, jo*. Не представляетъ ли кашубско-славинская форма въ противоположность польской *slowianski*, гдѣ *ia* изъ *н*, замѣну *и* (на которую указываютъ русск. и чешская ф.)? Это я считаю возможнымъ на основаніи формъ *vići, vikszi* „большій“, *śic* = польск. *ciąg, jicze, jicz* „ячмень“, *pisc* „кулакъ“ = пол. *pięść, swiec* „праздновать“ (сравн. рус. *святки*), гдѣ *i* изъ юса малаго (Гильфердингъ „Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря“ въ собраніи словъ стр. 160—189; въ словѣ *rajiczena* „паутина“ *i* даже вм. большого *i* ютован. юса), при чемъ иногда сохраняется и *н* послѣ *i*: *pinc, dzezinc, dzevinc* (5, 10, 9); въ формѣ *slovinski* при слѣдующемъ *н* другого суффикса тѣмъ болѣе не могло бы удержаться *н* въ *и* послѣ разложенія *ię* (юса малаго). Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками изслѣдованія Ганума „*o samogłoskach nosowych w narzeczu Slowińców Pomorskich, Kabatków i Kaszebów*“, на которое ссылается Лещевскій, вскользь упоминая о произношеніи носовыхъ въ Кашубскомъ въ своемъ изслѣдованіи „*Der Lautwerth der Nasalvocale im Altpolnischen*“ Wien 1886 стр. 8; самъ же Лещевскій объ этомъ измѣненіи юса малаго въ Кашубско-слов. не говоритъ ничего, но приводитъ нѣчто подобное изъ другого описаннаго имъ польскаго говора (ст. 6—7). Ив. Лось въ своей статьѣ „*Porównanie fonetycznych właściwości kilku gwar polskich*“ (XI t. „*Rozpraw*“ Краков. академіи, 1885) кашубско-словинскаго не касается вовсе.

въ различныхъ словянскихъ вѣтвяхъ, отдаленныхъ одна отъ другой и по мѣсту и по языку, нельзя придавать значенія какого либо ближайшаго родства ихъ между собою, какъ это замѣтилъ уже Шафарикъ (Слав. Др. II, 2, § 36, стр. 112).

2. Что касается родства словѣнскаго языка съ другими словянскими, то его слѣдуетъ отнести къ южно-словянской группѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. включая сюда и Болгаръ, хотя нѣкоторыя черты могутъ быть названы переходными къ группѣ сѣверо-западной (это особенно касается сѣверо-западной группы словѣнскихъ говоровъ, кое чѣмъ напоминающихъ чешскіе); да и вообще дѣленіе словянскихъ нарѣчій на большія группы, которое ведется со временъ Добровскаго съ разными видоизмѣненіями, можетъ выдержать критику только съ точки зрѣнія одного какого-нибудь или нѣсколькихъ, произвольно взятыхъ, признаковъ. При болѣе точномъ опредѣленіи являются разногласія. Одни слависты относили и относятъ Словѣнцевъ даже къ Югословянамъ, понимая это слово въ болѣе узкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ только Сербовъ, Хорватовъ и Словѣнцевъ. Это мнѣніе было развиваемо главнымъ образомъ Шафарикомъ въ „Славянскихъ Древностяхъ“ (II, кн. 2, § 34, ст. 50—51, § 36, ст. 109—110, § 41, ст. 285); тутъ же (ст. 112) онъ отказывается отъ своего прежняго мнѣнія, высказаннаго въ „Abkunft d. Slaw.“ 206—209, о сродствѣ Словѣнцевъ хорутанскихъ съ Словянами мизійскими; см. также его „Slovanský národopis“ 1842 гл. III, гдѣ „рѣчь иллирская“ включаетъ въ себѣ Сербовъ, Хорватовъ и Словѣнцевъ. За ближайшее родство съ сербо-хорватской вѣтвью высказался и Ягичъ въ своей „исторіи книженности народа сербскаго и хорватскаго“ въ 1867 г. стр. 25—26; высказавъ здѣсь, что существуетъ два мнѣнія, онъ присоединяется къ тѣмъ, которые, „ссылаясь на единственный драгоценный остатокъ старой (хорутанской) словѣнщины и сравнивая его съ настоящимъ старо-болгарскимъ, доказываютъ, что уже тогда съ X вѣка и раньше нарѣчіе словѣнское кое, въ чемъ было ближе и сроднѣе языку хорватско-сербскому, чѣмъ болгарско-словѣнскому“... Далѣе: „мы утверждаемъ, что Сербы и Хорваты съ Словѣнцами, какъ южные Словяне, находятся между собой въ ближайшемъ сродствѣ уже изстарѣ“.... Также къ „Юго-славянамъ“ въ тѣсномъ смыслѣ вмѣстѣ съ Сербо-хорватами отнесены Хорутане у Пыпина въ „Истор. слав. литературъ“, введеніе, ст. 7—9 и гл. 2 и у составителей чешскаго „научнаго словника“ въ статьѣ „Jihoslované“ 1864, стр. 59—61, при чемъ отдается преимущество мнѣніямъ Шафарика и Рачкаго передъ Копитаровымъ и Миклошичевымъ.

Другое мнѣніе было высказано Копитаромъ и Миклошичемъ. По мнѣнію Копитара (въ „Prolegomena“ къ „Glagol. Cloz.“ §§ XII и XXIX и къ изданію Реймскаго Евангелія Slav. Bibliothek I, ст. 60 и проч.), все пространство отъ Инна до Чернаго моря искони было населено одной славянской народностью, которая была позднѣе разъединена вторженіемъ Сербо-Хорватовъ, а еще позднѣе Мадыаръ. Копитаръ указываетъ на большее родство словѣнскаго нарѣчія съ болгарскимъ, чѣмъ съ сосѣдними хорватскимъ и сербскимъ, исключая тѣхъ чертъ сходства, которыя накопились вслѣдствіе вѣкового сожитія: „Bulgari... slavica sua dialectum, primitus, quantum ex certis adhuc signis licet colligere, Serbicâ et Croaticâ longe propiorem Carantanicae aut Pannonicae, nî jam prius, ex eo saltim tempore adeo immutarunt, ut ipsa omnium slavicarum una repraesentet speciem linguae, qualem Europaei lingue romane vocant“... (§ XII).

Взглядъ Копитара былъ развиваемъ Миклошичемъ, который дѣлилъ эту группу славянскихъ говоровъ на четыре вѣтви: западную—хорутанско-словѣнскую, среднюю—паннонско-словѣнскую и восточныя—дако-словѣнскую и мизо-словѣнскую или болгарскую. Всѣ эти 4 вѣтви, по его мнѣнію, произошли изъ языка того народа, который жилъ, говоря словами Копитара, отъ Аквилей и источниковъ Дравы, Мура и Труны и почти отъ устьевъ Инна до Понта Эвксинскаго, и который у Юрнанда и Прокопія назывался *Slaveni* и *Σκλαβηνοί*, „имя котораго Греками и Римлянами, а потомъ и самими Славянами было перенесено на всѣ славянскіе народы“ (Formenlehre in Paradigmen X—XI стр., также ib. стр. III—IV, IV—XI, XXV, Vergl. Gram. III, 201, „Geschichte der Lautbezeichnung im bulgarischen“ 1883, s. 6; срав. Slav. Biblioth. II, 140—141, гдѣ говорится о происхожденіи обоихъ языковъ, болгарскаго и новословѣнскаго отъ старо-славянскаго). Подъ конецъ своей ученой дѣятельности и Шафарикъ въ 1857 г. въ сочиненіи „Über den Ursprung und die Heimat des Glagolitismus“, радикально измѣнивъ свой прежній взглядъ на взаимное отношеніе и происхожденіе двухъ славянскихъ азбукъ, измѣнилъ и свое мнѣніе о словѣнскомъ нарѣчіи, высказавшись опять за близкое родство его съ болгарскимъ, ставя между ними переходное нарѣчіе паннонское (русск. перев. Шемякина 1861, стр. 35—37), хотя здѣсь онъ ничего не говоритъ объ отношеніяхъ къ Словѣнцамъ Сербо-Хорватовъ и о сербо-хорватскомъ клинѣ, будто-бы раздѣлившемъ первоначально нераздѣльныхъ „Словѣнъ“. Позднѣе и Ягичъ частію (наприм. въ литографиров. курсѣ 188¹/₃ въ С.-Пб. универс. „Отношеніе славянскихъ нарѣчій къ ц. слав. яз.“ стр. 7—8) склонялся къ этой теоріи; однако сравн. XIII т. стр. 134 „Archiv für slavische Phi-

lologie“, гдѣ проф. Ягичъ высказывается по поводу статьи болгарскаго ученаго Милетича: „Auch gegen einige Hauptsätze seiner Ansichten, wie z. B. betreffs der angeblichen Viertheilung des „Urslovenischen“ in ein karanthanisches, pannonisches, bulgarisches und dacisches „Slovenisch“.... lassen sich begründete Einwendungen machen“.

Проф. М. С. Дриновъ въ сочин. „Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“ (изданіе Общества истор. и древн. при Московск. Университетѣ 1873), стр. 146—148, высказывая мысль Шафарика (Слав. Др. II, 1, § 30, стр. 386—387), что словянскіе переселенцы на Балканскомъ полуостровѣ были изъ самыхъ различныхъ словянскихъ вѣтвей, что доказывается разнообразіемъ болгарскихъ говоровъ, въ которыхъ встрѣчаются точки соприкосновенія между самыми отдаленными словянскими нарѣчіями, нѣсколько раньше высказывается довольно близко къ теоріи Копитара и Миклошича: „Всѣ эти особенности, испещряющія область сербо-хорватскаго языка, какъ чуждыя послѣднему и необъяснимыя историческимъ развитіемъ его, служатъ весьма сильнымъ подтвержденіемъ мнѣнію, что Сербо-Хорваты встали въ занимаемой ими странѣ значительныя поселенія Славянъ, по своему нарѣчію болѣе близкихъ къ Словинцамъ и къ нѣкоторымъ славянскимъ вѣтвямъ, вошедшимъ въ составъ болгарскаго народа“ (стр. 130). Историкъ Рачкій выдѣляетъ даже Чакавцевъ отъ Сербо-Хорватовъ; „по его словамъ“ („Arkiv za povjestnicu jugosl“. IV, 254), говоритъ М. С. Дриновъ (въ указан. мѣстѣ), „въ Чакавщинѣ мы имѣемъ особенное нарѣчіе, которымъ говорили славянскіе поселенцы, обитавшіе въ этомъ краю еще до прихода туда Сербовъ и Хорватовъ“. Этотъ взглядъ проф. Дриновъ считалъ болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ противоположный ему, и самъ высказываетъ на стр. 161 предположеніе, что даже и Дукляне, Захлумцы и Босняки не были ни Сербами, ни Хорватами, а жили раньше ихъ прихода.

Изъ послѣдователей Миклошича въ этомъ вопросѣ можно назвать словѣнскаго ученаго Крека („Einleitung in die slavische Literaturgeschichte“ 1887, s. 221) ¹⁾, даровитаго болгарскаго ученаго Милетича („Старо-то склонение въ днешнитѣ български нарѣчия“, въ болгар. „Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина“ II. 226—268) и нѣкотор. другихъ. Напротивъ молодой выдающійся словѣнскій ученый діалектологъ Облакъ не считаетъ возможнымъ выдѣлать Сербо-Хорватовъ изъ общей массы Словѣнъ: „Für uns können nur sprachlichen

¹⁾ Въ этой полезной книгѣ можно найти и подробный разборъ литературы вопроса.

Gründe massgebend sein und diese befürworten entschieden einen näheren Zusammenhang des Serbokroat. mit dem heutigen Slovenischen“... (Archiv f. slav. Philologie XIV, s. 298—299). То же высказалъ онъ и въ частномъ письмѣ ко мнѣ: „нельзя... сомнѣваться, что словѣнщина и сербо-хорватщина въ ближайшемъ родствѣ. Словѣнскія и хорватскія нарѣчія на двухъ пунктахъ переходятъ одни въ другія, на востокъ мость составляетъ кайкавское нарѣчье, на юго-западѣ сѣверныя чакавскія нарѣчія въ тѣснѣйшей связи съ горицкими и венеціанскими“... (привожу эти слова въ свободномъ переводѣ съ словѣнскаго). Проф. Львовскаго университета Калина въ сочин. „Studyja nad historyjǎ języka bułgarskiego“ (1891), ч. I, стр. 20—21 считаетъ Словѣнцевъ и Болгаръ наравнѣ съ Сербами и Хорватами (вмѣстѣ) отпрысками одной общей южно-словинской вѣтви; на стр. 81—82 онъ говоритъ о дѣленіи уже въ IX вѣкѣ языка южно-славянскаго на три группы: восточную (языкъ болгарскій), южную (языкъ сербско-хорватскій) и сѣверную или паннонскую; послѣднюю онъ считаетъ переходной отъ хорватскаго къ словѣнскому (стр. 90) и издревле отличной отъ языка церковно-славянскаго, а слѣдоват., по его теоріи, и отъ болгарскаго, отъ котораго тѣмъ дальше отдаленное географически хорутанско-словѣнское.

Какое же изъ приведенныхъ мнѣній предпочтительнѣе? При поверхностномъ сравненіи дѣйствительно насъ поражаетъ иногда сходство нѣкоторыхъ фонетическихъ явленій словѣнскихъ говоровъ съ одной стороны и болгарскихъ съ другой. Какъ въ словѣнскихъ, такъ и въ болгарскихъ говорахъ встрѣчаются мѣстами остатки носовыхъ звуковъ, соответствующихъ старымъ юсамъ, чего нѣтъ въ области сербо-хорватской; затѣмъ обычная словѣнская замѣна юса большого черезъ *o* встрѣчается въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ, напр. въ Дебрескомъ и Родопскомъ; въ остальныхъ же встрѣчаются самыя разнообразныя замѣны, изъ которыхъ преобладающая зв. *a* или глухой звукъ. Между тѣмъ въ сербо-хорватской области послѣдовательно юсь большой = *y*. Словѣнская замѣна *tj* черезъ *ч* также встрѣчается въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ (сѣверо-западныхъ); въ сербо-хорватскомъ же мы имѣемъ вмѣсто *tj* особаго рода мягкое *m*, близкое къ очень мягкому *ч*. Наконецъ, встрѣчается часто поразительное сходство въ словарѣ, несмотря на отдаленность разстоянія и на многовѣковую особность исторической жизни. Но не такъ важны эти частности, какъ общій строй фонетики болгарской съ одной стороны и словѣнской съ другой, выражающійся въ любви къ глухимъ звукамъ, вслѣдствіе чего удерживаются часто старые глухіе, къ неясному произношенію неударяемыхъ слоговъ и образованію отсюда новыхъ глухихъ; вспомнимъ также, что въ словѣнскомъ

Долгота связана съ удареніемъ, болгарскій же, за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ говоровъ, утратилъ её совсѣмъ:—все это радикально противоположно ясности и раздѣльности произношенія сербо-хорватскаго, благодаря которой долгота гласныхъ не зависитъ отъ мѣста ударенія.

Но какъ все еще это шатко! Еще сколько нужно діалектическихъ и историко-діалектическихъ изслѣдованій, чтобы выяснить взаимное отношеніе словянскихъ нарѣчій; пока же лучше воздерживаться отъ такихъ широкихъ обобщеній. Во-первыхъ, что касается отдѣльныхъ фонетическихъ явленій, то часто сходные результаты могутъ быть достигнуты совершенно независимо и несходными путями: напр. относительно дебрскаго и родопскаго *рока* мы можемъ почти съ увѣренностью сказать, что въ немъ *о* получилось непосредственно изъ глухого зв. (з), лежащаго въ основаніи всѣхъ діалектическихъ болгарскихъ замѣнъ большого юса; относительно же словѣнскаго *рока* можно думать, что въ немъ *о* изъ *он*. Что же касается тоническаго характера звуковъ, ихъ неясности, глухоты, то это напоминаетъ отдаленное великорусское (особенно южное) нарѣчіе, которое во всемъ остальномъ совершенно отлично и отъ болгарскаго и отъ словѣнскаго и имѣетъ свои исконныя фонетическія особенности, объединяющія его въ одну группу съ малорусскимъ, не смотря на то, что тоническій характеръ послѣдняго ближе къ сербскому. Еще болѣе рискованно строить обобщенія на основаніи словарныхъ сходствъ, такъ какъ лексическая сторона словянскихъ нарѣчій еще менѣе изслѣдована.

3. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что тѣже ученые, которые высказывались за прадавнюю близость Словѣнцевъ къ Болгарамъ, проводили теорію „паннонизма“ ц. словянскаго языка. По мнѣнію Конитара, ц. словянской яз. есть нарѣчіе паннонское, что у него равносильно хорутанскому („*Carantanica aut Pannonica*“ § XII *Glag. Cloz.*). „Что большинство занимавшихся этимъ вопросомъ и самъ „*summus Dobrovius*“ послѣднимъ своимъ сужденіемъ предпочелъ приписать священный яз. Болгарамъ, а не Хорутанамъ, находившимся въ округѣ Меоодіа“,—это онъ приписываетъ не столько „злomu умыслу“, сколько невнимательности (ib. XXX). Онъ упрекаетъ Добровскаго въ томъ, что онъ „только на смѣхъ“ предпочелъ удалиться „въ пустыни и тайники какого то стараго еще несмѣшаннаго сербо-болгаро-македонскаго нарѣчія“ (in *ermos et latibula nescio cujus veteris, nondumque commixtae dialecti serbo-bulgaro-macedonicae*) ib. § XII (сравн. также „Письма Добровскаго и Копитара“ издан. И. В. Ягича С.-Пб. 1885, стр. 484, 497, 516, 534)¹⁾.

¹⁾ Возможностью пользоваться этимъ драгоценнымъ изданіемъ я обязанъ любезности проф. Д. И. Багалѣя.

Миклошичъ опредѣляетъ мѣсто этого паннонскаго языка болѣе точно: это языкъ тѣхъ Словѣнцевъ, которые жили въ древней Панноніи, по обоимъ берегамъ средняго Дуная, въ той странѣ, гдѣ проповѣдоваль и былъ епископомъ Меоодій („Altslov. Formenlehre in Parad.“ III). Его и называетъ Миклошичъ „altslovenisch“ въ отличіе отъ „neuslovenisch“, понимая подъ первымъ именно языкъ паннонской вѣтви.

Но у Миклошича эти два языка всетаки не отождествляются: у него это не двѣ стадіи развитія одного и того же языка, а два разные языка, только очень близкіе между собою; они находятся между собою, какъ братья. Такой взглядъ Миклошичъ проводить во всѣхъ своихъ трудахъ 70—80 годовъ, хотя раньше (Slav. Bibl. II. Wien 1858 стр. 140 и въ 1-мъ издан. „Vergl. Gram“) онъ высказываетъ, что оба языка болгарскій и н. словѣнскій считаетъ происшедшими отъ старо-славянскаго, слѣдоват., не отождествляя н. словѣнскій со старо-славянскимъ, ставитъ однако въ сыновнее отношеніе первый къ послѣднему. По послѣднему мнѣнію Миклошича, и ново-словѣнскій (хорутанскій) и старо-славянскій (паннонскій), какъ и дако-словѣнскій и болгарскій суть дѣти одной семьи. Къ „паннонизму“ примкнулъ подъ конецъ жизни и Шафарикъ („О происхожд. и родинѣ глагол.“ 35—37). Къ „паннонизму“ склоняется и проф. Одесскаго университета Кочубинскій („Къ вопросу о взаимн. отношеніяхъ слав. нарѣчій“ 1877, I, стр. 131), хотя и признаетъ, что „онъ всетаки еще предметъ спора“... Изъ прямыхъ послѣдователей Миклошича по этому вопросу назову проф. Грацскаго университета Крека („Einleitung in die slav. Literaturgeschichte“ 1887, стр. 221), который излагаетъ и литературу вопроса.

Гораздо больше имѣетъ представителей то мнѣніе, что ц. славянскій языкъ есть старо-болгарскій. У насъ защитники этого мнѣнія: Востоковъ, по которому родина ст. слов. яз. есть Македонія (Филолог. Наблюденія 95, *ibid.* „Грам. объясн. на статьи фрейз.“ 8, гдѣ прямо говоритъ, что церковныя книги переложены на болгарскій яз.), Бодянский, Вуслаевъ („Опытъ историч. грам. рус. яз.“ 1858, ч. I, ст. 14), Гильфердингъ (въ 1862 г., Сочин. т. I. ст. 299 и сл.), М. С. Дриновъ (въ рец. соч. Калины по истор. болгар. яз. въ „Славянскомъ Обзорѣніи“ 1892 г. и устно), проф. Соболевскій („Кирилло-Меоодіевскіе вопросы“ въ Кіевск. университет. извѣст. 1885 и „Древне-церковно-славянскій яз.“ 1892), который считаетъ основой ц. славян. яз. нарѣчіе Солунское. На западѣ: отчасти уже Добровскій, хотя по нему это въ тоже время языкъ и сербскій; онъ еще не зналъ, что болгарскій яз. не есть часть сербскаго, а потому его „illyrica seu serbica“ („Institutiones linguae slav“... Praefatio IV) заключаетъ въ себѣ оба; это по

нему еще „не смѣшанный сербо-болгаро-македонскій яз.“ Въ письмѣ къ Кепшену, напечатанномъ въ выше упомянутомъ собраніи писемъ Добровскаго стр. 677, онъ болѣе опредѣленно высказывается за Македонію противъ Моравіи и Крайны: „er (Cyrill) seine Sprache nicht zu Laibach, sondern zu Thessalonich erlernt hat“. Далѣе представители „болгаризма“: Шафарикъ въ первое время своей дѣятельности (Слав. Древн. § 26 (т. II, кн. 1, ст. 79), § 30, ib. 329, § 37, т. II, кн. 2, ст. 110), Шлейхеръ (Formenlehre der kirchenslavischen Sprache“ 1852, 28—29), ученикъ его Лескинъ („Handbuch der altbulgarischen Sprache“, Vorwort V—VI, 1886), въ 60-хъ годахъ Ягичъ (въ предисловіи къ издан. Рачкаго Ассеманіева Евангелія 1865, стр. LXI и „Histor. književnosti“ 1867, 36), составитель словѣнскаго отдѣла статьи „Jihoslovane“, ст. 115, Гейтлеръ („Starobulharská fonologie“ 1873, „Die albanesischen und die slavischen Schriften“ 1883), проф. Львовскаго университета Калина („Studyja nad hist. j. bulg.“ I, 92 и II, 178—193, 1891).

Приведу и другія мнѣнія. Нѣсколько странно теперь звучить мнѣніе Калайдовича, высказанное въ 1824 („Іоаннъ Ексархъ болгарскій“ 7—8), что „языкъ словенскій“ (т. е. церковно-славянскій) „былъ нѣкогда однимъ общимъ для Моравовъ, Болгаръ, Сербовъ, Русскихъ“... Такимъ образомъ, у него онъ отождествляется съ праславянскимъ. И. И. Срезневскій выражался объ этомъ довольно неопредѣленно (Древнеслав. памятники юсов. п. 1868. 4, 167, 184), но кажется, уже и онъ думалъ то, что яснѣе выразилъ В. И. Ламанскій („Непорѣш. вопросъ“ Ж. Мин. Нар. Пр. 1869, ч. CXLI, 127), что „древне-церковный яз. славянскій не есть собственно одно извѣстное народное нарѣчіе, а языкъ искусственный и смѣшанный“... В. И. картинно изображаетъ борьбу между македонскими, моравскими и словинскими формами, происходившую въ рабочихъ кельяхъ сотрудниковъ Мееодія (ib. 126). Это мнѣніе принято было и проф. Будиловичемъ („Изслѣдов. яз. др. слав. перев. XIII словъ Григорія Богосл.“ 1871, ст. 23, хотя основной звуковой фонъ въ языкѣ рукописи словъ Григорія онъ на стр. 142 признаетъ древне-болгарскимъ); но въ недавно вышедшей книгѣ „Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы“ (II, 30—37, 56—57) онъ высказывается за Царьградско-пропонтидское происхожденіе ц. слов. яз., т. е. опредѣленно признаетъ его болгаризмъ.

Проф. И. В. Ягичъ въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ вообще держался относительно этого вопроса средняго направленія и, кажется, признавалъ болгарскую (македонскую) основу ц. слов. яз. съ примѣсью,

однако, формальных и лексических особенностей паннонских; название „altslovenisch“ онъ употреблялъ потому, что „sie einzig und allein echt ist und der Lösung der schwierigen Frage über das gegenseitige Verwandtschaftsverhältniss der slav. Dialecte Pannoniens, Bulgariens und Karanthaniens im IX Jahrh...in keiner Weise präjudicirt“... („Studien über das altslov.—glagol. Zograph.—Evang.“ 2, Archiv f. sl. Ph. I B.). Въ другомъ мѣстѣ (Archiv f. sl. Phil. I, 351) Ягичъ говоритъ о кай-кавскомъ нарѣчїи: „dieser Dialect ist für das Altslovenische als nächster Grenznachbar des einstigen Pannonisch-slovenischen sehr wichtig“.... Хотя и въ лекціяхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ своихъ трудахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ онъ часто говоритъ о „паннонизмѣ“, о „паннонско-моравской“ редакціи въ старо-славянской письменности, влияніи моравско-паннонскихъ или словѣнскихъ говоровъ и т. п. (Маріинск. Четвероеванг. 1883, стр. 426, 428, 438, 447, 466, Четыре критико-палеографическія статьи 1884, ст. 138), но все это не въ смыслѣ происхожденія самого старо-славянскаго языка, а въ смыслѣ эпохи старо-славянской письменности, во время которой она находилась подъ извѣстными сѣверными влияніями. Возражая проф. Гейтлеру, полагающему, „что безукоризненный „старо-болгарскій“ языкъ кievскихъ листовъ, правильность въ употребленіи юсовъ, точное различіе между ѣ и ѿ исключаетъ возможность приводить ихъ ради и и з (вм. ии и жед) въ связь, въ какую бы ни было, съ сѣвѣрною родиною и сѣверо-западно-славянскимъ нарѣчіемъ, и что это отрывки македонскіе“, проф. Ягичъ говоритъ дальше: „осмѣливаюсь уже теперь утверждать, что правильность церковно-славянскаго языка этихъ отрывковъ—сама по себѣ, а чехизмы (моравизмы или паннонизмы) опять сами по себѣ. Я никогда не отвергалъ мысли, что церковно-славянскій языкъ въ Моравіи былъ по крайней мѣрѣ *настолько элементомъ приимымъ, насколько представителями его являлись солунскіе братья*, Константинъ и Меѳодій, поэтому и не приходитъ мнѣ въ голову настаивать на томъ, что языкъ кievскихъ отрывковъ есть настоящій живой языкъ Моравіи или сѣверной Панноніи X вѣка. Мнѣ достаточно того, что въ этихъ отрывкахъ, какъ въ зеркалѣ отражаются ясные слѣды ихъ исторической зависимости отъ настоящаго живого языка Моравіи (или Сѣверной Панноніи) IX и X вѣка“... (Четыре кр.-нал. статьи 137—138).

Я привелъ это мѣсто дословно, чтобы яснѣе дать понять, какъ понималъ пр. Ягичъ „паннонизмъ“ ц. славянскаго яз. Разница между его взглядомъ и взглядомъ его учителя Миклошича на этотъ вопросъ существенная. Для Ягича „паннонизмъ“ и „моравизмъ“ имѣютъ значеніе главнымъ образомъ историко-культурное, у Миклошича первый пони-

мался чисто лингвистически. Проф. Ягичъ не рѣшаетъ опредѣленно вопроса о родинѣ ц. словянскаго языка, такъ какъ его и дѣйствительно нельзя рѣшить при настоящихъ научныхъ средствахъ, но онъ не отрицаетъ, что основой его могло быть нарѣчіе солунское.

Также, не рѣшая, какой именно вѣтви южнославянской принадлежитъ языкъ ц. словянской, но не считая возможнымъ отождествлять его съ древнеболгарскимъ, хотя признавая, что онъ ближайшимъ образомъ родствененъ именно съ болгарскимъ языкомъ, называетъ этотъ языкъ „старо-славянскимъ“ проф. Московскаго университета Ф. О. Фортунатовъ (Левція по церковно-славянскому языку литограф. 1884—1885 г., стр. 3: „это несомнѣнно языкъ южно-славянской и притомъ родственной ближайшимъ образомъ съ болгарскимъ языкомъ, хотя мы и не имѣемъ пока основаній утверждать, что старо-славянской языкъ есть древнеболгарской; еще менѣе основанія признавать въ немъ языкъ древнесловянской (...). Но самое важное въ гипотезѣ проф. Фортунатова заключается въ томъ что онъ обратилъ вниманіе на діалектологию старо-славянскаго языка. Въ печатающемся теперь уже нѣсколько лѣтъ интересномъ курсѣ его (въ Московск. университет. извѣстіяхъ), какъ я слышалъ, діалектологія старо-славянскаго яз. будетъ подробно разработана, насколько позволяютъ данныя памятниковъ. Пока же я могу сообщить только то, что слыхалъ лично отъ него, и что есть въ литографир. курсѣ 1884¹/₂ г. Тамъ на стр. 5—6: „Извѣстныя различія въ языкѣ, существующія между памятниками паннонскими и древнѣйшими старо-славянскими памятниками русской редакціи, могутъ восходить къ самому старо-славянскому языку, который, понятно, какъ и всякій живой языкъ, дробился на нарѣчія и говоры. На существованіе нарѣчій указываютъ и самые паннонскіе памятники, различающіеся между собой въ языкѣ по извѣстнымъ признакамъ“... (терминъ „паннонскіе“ проф. Фортунатовъ употребляетъ только условно, не придавая ему особаго значенія). Такимъ образомъ, по мнѣнію проф. Фортунатова, различныя особенности (отступленія) старо-славянскихъ памятниковъ, если онѣ проводятся послѣдовательно, при прочихъ правильныхъ старо-славянскихъ чертахъ указываютъ на особые діалекты самого старо-славянскаго языка; конечно, прежде надо отдѣлать несомнѣнныя вліянія другихъ словянскихъ языковъ, принесенныя переписчиками болгарскими, русскими, сербскими... Эти вліянія выражаются обыкновенно непослѣдовательностью въ правописаніи, описками. Отраженія различныхъ говоровъ самого старо-славянскаго яз. проф. Фортунатовъ видитъ въ Зографскомъ, Маріинскомъ Ев., Савиной книгѣ, Кіевскомъ глаголическомъ миссалѣ. Въ послѣднемъ напр. послѣдовательно, на что уже обратилъ

вниманіе Гейтлеръ, обще-словянскія группы *tj*, *dj* передаются черезъ *ц*, *з* вмѣсто *шт*, *жд* другихъ старо-словянскихъ памятниковъ при прочихъ правильныхъ старо-словянскихъ чертахъ. Можно бы предположить, что это моравизмъ, отраженіе моравской эпохи старо-словянской письменности, какъ и дѣлаетъ проф. Ягичъ ¹⁾, но какъ объяснить при такомъ допущеніи, что юсы остались нетронутыми, когда мы знаемъ, что чешско-моравскіе памятники съ XII вѣка уже не знали никакого слѣда носовыхъ гласныхъ? Неужели въ два столѣтія, если считать даже X вѣкъ ²⁾ временемъ написанія Кіевскихъ отрывковъ, могла произойти такая рѣзкая перемѣна? Естественно напрашивается предположеніе, что былъ какой-то старо-словянскій говоръ, измѣнявшій по сѣверо-западному *tj* въ *ц*, а *dj* въ *з*; слѣды этого говора видны и въ другихъ памятникахъ почти чисто старо-словянскихъ, какъ напр. въ Glagolita Clozianus³⁾ и въ глаголической псалтыри Синайской. Что такое разнообразіе въ замѣнѣ *tj*, *dj* въ области одного нарѣчія возможно, доказываютъ говоры болгарскіе, въ которыхъ эти группы передаются и черезъ *шт*, *жд* на востокѣ, и черезъ *ц*, *дж* на западѣ и сѣверо-западѣ, и черезъ *к*, *г*—на юго-западѣ. Другое дѣло Пражскіе отрывки; въ нихъ при *ц*, *з* изъ *tj*, *dj* и другіе несомнѣнные слѣды чехо-моравскіе (*оу* вм. юса больш., *ш* вм. *с* въ словѣ *въшѣхъ*, *выши* вм. *въсьхъ*, *всьи*, *д* въ *молитвами*) ³⁾.

Словѣнцы и обзоръ ихъ литературы.

4. Въ настоящее время Словѣнцы или Хорутане занимаютъ гористую страну въ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ, сѣв.-западную часть Истріи и прилегающія къ ней части сѣверной Италіи и часть западной Венгріи, т. е. страну отъ верховьевъ Мура до Адриатическаго моря и юго-восточной Истріи съ сѣвера на югъ и отъ Тирольскихъ Альпъ до линіи отъ средняго теченія Дравы къ устью Колны (Куны) съ запада на

¹⁾ Кромѣ указаннаго мѣста, см. Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente. Wien, 1890, стр. 2, 44, 57, гдѣ проф. Ягичъ вновь переиздалъ этотъ драгоценный памятникъ (первое издан. у Срезневскаго въ „Свѣд. и замѣтк.“ LXXVII), сравнилъ его съ вновь найденными имъ глаголич. листами Вѣнскими (Хорватск. редакц.) и приложилъ его фотограф. снимокъ.

²⁾ Мнѣ кажется несомнѣннымъ замѣчаніе проф. Ягича, что Кіевскіе листы относятся самое позднее къ XI в. и что они рѣшительно древнѣе Синайскихъ Молитвенника и Псалтыри (ibid. 2).

³⁾ Высказывая эти соображенія, я долженъ признаться, что это все еще далеко не вполне ясно.

востокъ и до Колпы (Купы) на юго-востокъ ¹⁾. Уже самый характеръ страны (гористый) долженъ былъ обусловить разнообразіе говоровъ. Различаютъ слѣдующія главные группы словѣнскихъ говоровъ: *западную*, *среднюю* и *восточную*. 1) *Западная* заключаетъ въ себѣ говоры *каринтійскіе* (собственно *хорутанскіе* въ тѣсномъ смыслѣ, по словѣнски Koroško), часть *штирійскихъ* и часть *краинскихъ*, а именно такъ называемое *верхне-краинское* нарѣчіе или по словѣнски Gorénsko; къ этой же группѣ относятся и говоры *Резьянскіе* и *Словинскіе* въ сѣверной Италіи (см. Срезневскаго „Фріульскіе Славяне“ 1881, стр. 15—32, Бодуэнъ де-Куртенэ „Опытъ фонетики рез. гов.“). 2) *Средняя* заключаетъ нарѣчіе *средне-краинское*—*potrénsko* и часть *Штирії*. 3) *Восточная*—*нижне-краинское* нарѣчіе (*Dolénsko*), восточную *Штирію* и нарѣчіе *венгерско-словѣнское*, близкое къ *кайлавскому*, переходному отъ *хорватскаго* къ *словѣнскому*. На востокѣ, юго-востокѣ и югѣ *Словѣнцы* соприкасаются съ *Хорватами* и представляютъ нарѣчія переходныя, а потому довольно трудно провести между ними точную границу. Западная группа говоровъ словѣнскихъ отличается отъ восточныхъ бѣльшимъ обиліемъ глухихъ звуковъ гласныхъ, а также особеннымъ произношеніемъ *ъ* и юса большого. Въ средней полосѣ *ъ* передается черезъ узкое протяжное *е*, въ *нижне-краинскомъ* и *венгерскомъ* черезъ *ej*; на западѣ же, въ *Каринтіи* и *Верхней Краинѣ* какъ *je*, *ie* (односложно), мѣстами долгое *i*, въ *Резіи* долгое *ъ = i* долг., краткое *ъ =* широк. *е* (*ae*). Юсь большой произносится большею частію какъ *о* протяжное въ долгихъ слогахъ, простое—въ краткихъ и неудар. слогахъ, но въ *венгерскомъ* *ou*, въ *горицкомъ* *и* или въ долг. слог. *uo*. Такимъ образомъ ст. слов. *брьъ* звучитъ на востокѣ (въ *Венгріи*) *brejg* ²⁾, въ *Штирії* *brég*, на западѣ (въ *верхне-краинскомъ*, *горицкомъ*, *венеціанскомъ*, *резьянскомъ*) *brich*, *brjeh*, *brih* ³⁾. На крайнемъ востокѣ слышно *vouza* (уза), на юго-западѣ *muož*, *guoba* (рус. *уба*), въ центрѣ и въ большинствѣ говоровъ *mož*, *goba*, *roka* и т. п. Согласные нѣмые мгновенные на западѣ измѣняются въ концѣ словъ въ соотвѣтственные длительные (придыхательные): *bob*—*bof*, *bog*—*boh*, *soséd*—*sosés*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *Штирії*, а также въ *средне- и нижне-краинскихъ* говорахъ слышно польско-

¹⁾ Болѣе подробно о границахъ см. Шафарика „Slovanský národopis“ § 16 и въ статьѣ „Jihoslované“ стр. 16—18. Также Клуна въ „Русск. Бесѣдѣ“ 1857, III.

²⁾ Въ *Нижней Краинѣ* не только *tejkati* = ст. слов. *тыкати*, но мѣстами даже *aj*: *zvajzda* (Miklos. V. G. I, 311).

³⁾ Краткое и неудар. *ъ* въ *Каринтіи* и *В. Краинѣ* = глух. *ъ* или исчезаетъ совсѣмъ: *бълакъ* звучитъ *блак*; въ *Резіи* *braeja* = ст. слов. *брьжадя* рус. *бережая* (*stravidans*) (Mikl. V. G. I. 311—312).

русское произношеніе *л* твердо ¹⁾. (Miklos. Vergl. Gram. 1879, I, 303—360; Kopitar, Grammatik der slav. Sprache in Krain, Kärnten u. Steerm. 1808, 102, 169, 171—172, 176—177, 180—182, 190, 193, 195 и др.).

5. О первобытной исторіи предковъ нынѣшнихъ Словѣнцевъ извѣстно, что въ концѣ уже VI вѣка они своими набѣгами наводили страхъ на римскія колоніи по берегамъ Адріатическаго моря. Папа Григорій Великій въ 600 г. писалъ свою жалобу и соболѣзнованіе Солинскому духовенству (Шаф. Сл. Древн. § 35, т. II кн. 2 ст. 56 и проч.). Тѣснимые Аварами въ концѣ VI и началѣ VII вѣка эти Словяне быстро распространились на западъ до Тироля. Съ 627 по 662 они входили въ составъ могущественной словянской державы Само. Далѣе они постоянно боролись за свою независимость съ Франками и Баварцами, пока, наконецъ, не подпали подѣ могущественную руку Карла В. Съ этихъ поръ исторія ихъ сливается съ исторіей Нѣмецкой, а затѣмъ Австрійской имперіи (Пыпинъ, Ист. сл. лит. 284 т. I).

Христіанство къ нимъ приходило съ двухъ сторонъ: изъ Оглей (Аквилеи) отъ итальянскаго духовенства и изъ Зальцбурга—отъ нѣмецкаго; много дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ въ VIII в. баварскій воевода Тасило, помогавшій хорутанскому князю Владуху. Апостоломъ Хорутанъ называютъ епископа Зальцбургскаго Вергилія, дѣло котораго завершилъ Арно. Послѣ подчиненія Франкамъ распространеніе христіанства пошло быстрѣе. Какъ результатъ христіанской дѣятельности западныхъ миссіонеровъ, мы имѣемъ замѣчательный древнѣйшій памятникъ словѣнскаго языка и просвѣщенія, если не сказать прямо литературы. Это три такъ называемыхъ фрейзингенскихъ статьи.

6. Эти фрейзингенскія статьи не безъ основанія приписываются Аврааму, управлявшему фрейзингенской епархіей между 957 и 994 г. (мнѣніе Копитара). Кеппелъ на основаніи палеографическихъ соображеній, за которыми онъ обращался къ лучшимъ нѣмецкимъ палеографамъ, крайними предѣлами написанія ихъ назначаетъ IX и XI вѣка. Но дѣло въ томъ, что можно сомнѣваться, принадлежитъ ли этотъ памятникъ дѣятельности западныхъ проповѣдниковъ, или находится въ зависимости отъ дѣятельности учениковъ Меоодія въ Моравіи и Панноніи. И самъ Меоодій во время своихъ путешествій въ Римъ, можетъ быть, еще во время перваго путешествія вмѣстѣ съ Кирилломъ, могъ занести словянскую письменность къ Хорутанамъ. По содержанію двѣ статьи представляютъ исповѣдь о грѣхопаденіи. Уже Востоковъ (Фил.

¹⁾ Въ Каринтіи и В. Крайнѣ вмѣсто него *W* или звукъ, средній между *л* и *в*.

Наблюд., Граммат. объясн. на три ст. фрейз. рукоп. 1—2) указаль на сходство и даже тождество выражений фрейзингенской проповѣди о грѣхопадѣніи съ поученіемъ на день св. апостола Марка въ спискахъ XV—XVI в. Ундольскій въ 1840 г. нашелъ текстъ болѣе древній XII в. въ библіотекѣ Троицкой Лавры. Сравненіе съ этимъ текстомъ фрейзингенской статьи о грѣхопадѣніи сдѣлано Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстн. и неизвѣст. памятникахъ“ XXVI и Миклошичемъ въ соч. „Die christliche Terminologie der slav. Sprachen“ (Denkschrift. d. k. Ak. d. Wis. phil.-hist. Cl. XXIV, стр. 6—8). Но Срезневскій и Миклошичъ расходятся въ объясненіи этого поразительнаго сходства. Оба обращаютъ вниманіе на то, что сходное съ фрейзингенской статьей поученіе помѣщено въ числѣ твореній Климента, ученика Меѳодія, который умеръ въ 916 г., и приписываютъ его ему; но между тѣмъ какъ Срезневскій первенство признаетъ за поученіемъ Климента и въ сходствѣ его съ фрейзингенской статьей видитъ зависимость хорутанскаго памятника отъ церковно-славянской письменности, Миклошичъ наоборотъ не сомнѣвается, что первоначальный текстъ былъ именно переведенъ съ нѣмецкаго для паннонскихъ или хорутанскихъ словянъ, а Климентъ, узнавъ его въ Панноніи, послѣ, можетъ быть, уже въ Болгаріи (Македоніи), гдѣ онъ былъ потомъ епископомъ, приурочилъ его ко дню апостола Марка. Миклошичъ именно видитъ большую зависимость фрейзингенскихъ статей отъ нѣмецкаго, на что уже намекалъ и Востоковъ, который сравнилъ двѣ другія славянскія статьи Фрейзингенской рукописи, содержащія формулы исповѣди, съ древне-нѣмецкими, помѣщенными у Гольдаста (стр. 5). Миклошичъ основывается во-первыхъ на томъ, что въ Измарагдѣ имя святого, въ честь котораго поученіе, не указано, какъ и въ соответствующей фрейзинг. статьѣ, во-вторыхъ на соответствіи нѣмецкаго „Confessio generalis“, чуждаго восточной церкви, но обычнаго въ западной, и на сохраненіе нѣмецкихъ оборотовъ въ славянскомъ текстѣ. Между тѣмъ можно указать на обороты ц. славянскіе, что для Миклошича впрочемъ ничего не доказываетъ, такъ какъ и родина ц. славянскаго языка по нему есть Паннонія; слѣдовательно, на томъ же „паннонскомъ“, близкомъ къ хорутанскому, языкѣ могла происходить и проповѣдь западныхъ миссіонеровъ еще до прихода Кирилла и Меѳодія, а изъ Панноніи попасть и далѣе на западъ. Для тѣхъ же, кто не считаетъ вопроса о родинѣ ц. славянскаго яз. рѣшеннымъ, или кто рѣшаетъ его иначе, ц. славянскіе обороты въ хорутанскомъ текстѣ не могутъ объясняться такимъ путемъ. Кажется, вѣроятнѣе всего, что памятникъ этотъ явился результатомъ двухъ противоположныхъ влія-

ній, такъ какъ нельзя отрицать ни ц. словянскаго вліянія не только въ поученіи о грѣхопадєніи „дѣда нашего“ (безъ имени Адама, находящагося въ ц. слов. текстѣ) и слѣдствіяхъ его, но и въ молитвѣ и исповѣди, ни западнаго не только въ молитвѣ и исповѣди, но и въ поученіи, хотя Срезневскій (послѣсловіе къ статѣ Востокова стр. 83—89) всѣ кажущіяся латинскими или нѣмецкими выраженія объясняетъ съ греческаго и находитъ въ другихъ ц. словянскихъ текстахъ. Срезневскій высказываетъ даже предположеніе, что, можетъ быть, даже это тотъ же ц. словянскій яз., только переложенный латиницей; кромѣ того, онъ указываетъ и вліянія другихъ словянскихъ нарѣчій (сербскаго или хорватскаго), но послѣднее въ виду неопредѣленности правописанія памятника, неточности передачи словянскихъ звуковъ латинскими буквами и съ другой стороны разнообразія фонетическихъ явленій словѣнскихъ говоровъ мало убѣдительно. Что памятникъ, можетъ быть, не свободенъ отъ ц. словянскаго вліянія, признаютъ также пр. Ягичъ („Archiv f. sl. Ph.“ I, 450—451) и его ученикъ Облакъ („Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen“ 1890, 2).

Во всякомъ случаѣ въ томъ видѣ, какъ дошли до насъ фрейзингенскія статьи, мы вправѣ считать ихъ древнимъ памятникомъ словѣнской (хорутанской) письменности. Въ языкѣ ихъ есть несомнѣнныя черты словѣнской фонетики: юсь большой ¹⁾ передается большею частію черезъ *o*, иногда *on*, *un* и *u*, юсь малый ¹⁾ — черезъ *e*, *en*, глухіе ¹⁾ — черезъ *e*, *i*, *tj* черезъ *k* и *c* (вопросъ, какъ читать эти *k*, *c*), *dj* черезъ *g* или *i* (слѣдуетъ читать *j*, какъ показываютъ другіе примѣры) и одинъ разъ, можетъ быть, черезъ *k* въ ф. *vuiraken*, повидимому въ знач. „урождень“, но Миклошичъ приводитъ (V. Gr. I. 341) эту форму вмѣстѣ съ примѣрами замѣны *tj* и *gt(k)* передъ *i*, ъ черезъ *k* въ этомъ памятникѣ съ замѣчаніемъ „dunkel“. На основаніи *k* изъ *tj* и *kt(gt)* въ извѣстномъ случаѣ Миклошичъ говоритъ, что родина памятника этой особенностью отодвигается на западъ области новословѣнскаго языка и сравниваетъ фрейзинг. *moki* (=мошти λείψανα) съ резьянск. *snuka* „ночесь“. Срезневскій напротивъ видитъ въ *k* сербское или хорватское вліяніе, такъ какъ черезъ *k* древніе памятники сербскіе означали обыкновенно специфическій сербскій звукъ очень мягкаго *m*, для котораго потомъ былъ введенъ особый знакъ, заимство-

¹⁾ Хотя можно возразить, что это только неточная передача ст. ц. словянскаго произношенія большаго юса, малаго юса и глухихъ, а не хорутанскаго ихъ произношенія; вообще колебаніе въ обозначеніи показываетъ, что писецъ не находилъ подходящаго знака.

ванный отъ знака для очень мягкаго *д* и *и*, восходящаго въ глубокую древность старо-славянской письменности. Также на хорутанское нарѣчіе указываютъ формы членныхъ прилагательныхъ, какъ *zietemi* (светему) вмѣсто *-уму*, или *ому*, какъ въ ц. слов. и сербскомъ; съ другой стороны окончаніе *-ia* въ *тега*, *інога* общее сербскому съ хорутанскимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
